

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА**PHILOSOPHY AND LITERATURE**

УДК 93/94:13

ББК 87.3(2)521-05

Егор Дмитриевич Иванов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, магистрант кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях, Россия, Нижний Новгород, e-mail: 79209292041@yandex.ru

Максим Викторович Медоваров

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях, Россия, Нижний Новгород, e-mail: mmedovarov@yandex.ru

В.Ф. Одоевский и славянофилы в 1850–1860-е гг.

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимоотношений князя В.Ф. Одоевского и славянофилов в 1850–1860-е гг. Определяются точки идеологического отторжения и сопряжения между ними. В качестве точек отторжения указываются характерные для В.Ф. Одоевского защита человеческой личности, апология реформ Петра I и Александра II, приветствие западного просвещения, исторические взгляды славянофилов, их преклонение перед народом, теория «общества». В качестве точек сопряжения отмечается солидарность В.Ф. Одоевского с представителями славянофилов по целому ряду вопросов: защита русской общины, земской и остзейский вопросы, защита православной церкви и обличение иезуитства, христианское понимание сущности свободы, аполитизм в оценках идеологических подходов. Все это позволяет скорректировать точку зрения современных исследователей, рассматривающих отношения Одоевского и славянофилов через призму безусловного антагонизма.

Ключевые слова: общественно-политические взгляды В.Ф. Одоевского, исторические взгляды славянофилов, теория «общества» И.С. Аксакова, христианское понимание сущности свободы, русская община, Великие реформы

Egor Dmitrievich Ivanov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Master's student, Department of Information Technologies in Humanitarian Research, Russia, Nizhny Novgorod, e-mail: 79209292041@yandex.ru

Maksim Viktorovich Medovarov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Department of Information Technologies in Humanitarian Research, Russia, Nizhny Novgorod, e-mail: mmedovarov@yandex.ru

V.F. Odoevsky and the Slavophiles in the 1850s–1860s

Abstract. The article is devoted to the analysis of the relationship between the prince V.F. Odoevsky and the Slavophiles in the 1850–1860s. The points of ideological rejection and conjugation between them are determined. The points of rejection include V.F. Odoevsky's characteristic defense of the human personality, apology for the reforms of Peter I and Alexander II, greeting Western enlightenment, historical views of the Slavophiles, their admiration for the people, and the theory of "society". The points of conjugation include V.F. Odoevsky's solidarity with representatives of the Slavophiles on a number of issues: the defense of the Russian community, the zemstvo and Ostsee issues, the defense of the Orthodox Church and the denunciation of Jesuitry, the Christian understanding of the essence of freedom, and apoliticality in assessing ideological approaches. All this allows us to correct the point of view of modern researchers who consider the relationship between Odoevsky and the Slavophiles through the prism of unconditional antagonism.

Key words: socio-political views of V.F. Odoevsky, historical views of the Slavophiles, the theory of "society" of I.S. Aksakov, Christian understanding of the essence of freedom, Russian community, Great reforms

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.2.094-104

Взаимоотношения В.Ф. Одоевского и славянофилов в 1830–1840-е гг., идеологические расхождения и симпатии между ними в данный период времени хорошо изучены. Научных имен А. Валицкого¹, М.И. Медового², А.П. Пушкарева³ достаточно, на наш взгляд, для утверждения о чрезвычайно высоком уровне проработки проблемы. Что касается 1850–1860-х гг., то здесь не все выводы выглядят абсолютно бесспорными. Анализируя эволюцию взглядов Одоевского в эпоху Великих реформ, дореволюционный автор Н.Ф. Сумцов пришел к выводу о безусловном антагонизме князя и славянофилов в данный период времени: «В 50-х и 60-х годах Одоевский совершенно оставил свои славянофильские мнения. Он преклонился перед богатой европейской культурой, сделался поклонником Запада, всецело перешел в лагерь западников» [5, с. 43]. Принять «западную гражданственность» в новую эпоху ему помогли, по мнению Н.Ф. Сумцова, апология Петра I, европеизм, признание ценности «человеческого достоинства». Более сложной была оценка советского исследователя Б.П. Козьмина, опубликованного в 1935 г. дневник князя за 1859–1869 гг. «Отношение Одоевского к славянофилам было очень сложно и противоречиво», – замечает он в комментариях к дневнику [6, с. 288]. Но в чем была эта «сложность» и «противоречивость»,

¹ См.: Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 109, 118–119 [1].

² См.: Медовой М.И. Меморандум В.Ф. Одоевского // Хомяковский сборник. Т. I. Томск: Водолей, 1998. С. 45–66 [2]; Переписка В.Ф. Одоевского с А.С. Хомяковым / публ. Б.Ф. Егорова, М.И. Медового // Ученые записки Тартуского университета. 1970. № 251. С. 335–349 [3].

³ См.: Пушкарев А.П. В.Ф. Одоевский: между славянофильством и западничеством // Вестник Московского университета. Сер. Политические науки. 2007. № 6. С. 106–112 [4].

осталось совершенно неясным. Работавший в рукописном отделе Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина Б.П. Козьмин приводит обильные выдержки из архивных документов Одоевского, где тот обличает славянофилов, но ничего не говорит о его симпатиях в их адрес. Такая неоднозначность объясняется, на наш взгляд, тем, что он был знаком и с другими рукописными документами, где князь выступал союзником славянофилов. Да и в опубликованном им тексте дневника Одоевский выступал в качестве апологета Ю.Ф. Самарина. Тем не менее раскрыть глубже эту проблему Б.П. Козьмин не решился. По существу, на таких же позициях остаются и современные исследователи, в частности, В.Н. Греков, продолжающий рассуждать об отношении Одоевского к К.С. Аксакову, но ничего не говорящий о А.И. Кошелеве и Ю.Ф. Самарине⁴.

Цель исследования заключается, таким образом, в определении идеологических точек отторжения и соприкосновения между князем В.Ф. Одоевским и славянофилами в 1850–1860-е гг.

В качестве источников исследования выбраны записные книжки, публицистика Одоевского, а также его переписка с великой княгиней Марией Павловной и славянофилами.

Начнем с идеологической конфронтации. Восторженный апологет буржуазных реформ Александра II, Одоевский с усмешкой наблюдал за славянофилами, оценивавшими либеральные преобразования через призму своей консервативной утопии. Восставшие против воли Петра I «стрельцы», закостенелые «патриархи» – вот какими представлялись ему они. «Татарщина не хочет отстать от нелепого старого, лени, беспечности, – писал В.Ф. Одоевский в статье «Стрелецкое толкование о всеобщем растлении», – и перейти к разумному новому, учению и движению» [8, л. 276]. Потерявшие допетровское «политическое бытие», славянофилы продолжали, однако, пытаться реставрировать его в современной России. Отсюда, по мнению Одоевского, происходило их сопротивление западной науке, сочинение «сказок о патриархальной нравственности», лезть «народным слабостям». Последнее казалось Одоевскому особенно забавным, так как в крестьянской среде он не находил ничего, кроме «изорванной одежды» и необразованности. «Мы отнюдь не того мнения, – писал он в конце «Стрелецкого толкования...», – что все старое дурно и что мы проглотили уже всю премудрость. Но осмеливаюсь удостоверить, что мы во всех отношениях лучше, светлее и учнее, и потому более нравственны, нежели наши предки» [8, л. 284]. Решительно выступая навстречу «общему движению» эпохи шестидесятых годов, Одоевский, конечно, оказывался более последователен в буржуазном смысле этого слова, чем славянофилы, пытавшиеся «ограничить или вовсе свести на нет действие буржуазно-либеральных принципов в экономической и политической областях»⁵.

⁴ См.: Греков В.Н. В.Ф. Одоевский и славянофилы // Медиаальманах. 2013. № 2. С. 56–64 [7].

⁵ См.: Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. С. 137 [9].

Однако не во всех отношениях славянофилы подвергались критике со стороны Одоевского. Ему импонировал присущий им монархизм. Так, воодушевленный церемонией венчания на царство Александра II, князь был поражен, разглядев в «патриархах» сторонников самодержавия. «Чем более узнаю этих господ, – записывал он в дневник свои впечатления от встречи с Ю.Ф. Самариним, К.С. Аксаковым и А.И. Кошелевым, – тем менее понимаю, каким образом правительство видит в них смутьянов неблагоприятных. Это люди по глубокому убеждению и даже учению своему глубоко монархические» [10, л. 58].

Дальнейшее сближение князя и славянофилов происходило на почве обсуждения общинной проблематики. Пространные рассуждения об общине зазвучали в его заметке «Об устройстве быта поселян в Петербургской губернии»⁶ уже в декабре 1857 г., еще до бурного обсуждения этого вопроса в периодической печати. Как же относился к общине князь, к тому времени уже заявивший о себе как о стороннике «частного интереса»⁷ и крестьянского индивидуализма? Прежде всего, он ревностно брал под защиту «целостность мира», то есть противостоял появлению в общине, наряду с коллективной собственностью, частных земельных участков. «Приобретение земли отдельными семействами в черте мира ни под каким видом, по моему убеждению, не должно быть допускаемо, – решительно утверждал он, – ибо от сего образуется род новой аристократии в деревне. Дробить мир, то есть вводить в него чуждые ему интересы, есть дело самое губительное» [11, л. 31об.]. Сохранение в неприкосновенности коллективной собственности на землю обещало, по мысли Одоевского, упрочение стабильности в русской деревне. «Крестьянин говорит: сегодня один барин, завтра другой, а мир вечный», – приводил он слова обитателей оберегаемого им института и предостерегал, кроме того, от купли-продажи и дарения земельных участков внутри общин [11, л. 31].

В стремлении Одоевского защитить институт русской общины, не говоря при этом о его недостатках, нельзя не увидеть влияния А.И. Кошелева. Князь сам признался в этом в конце своей заметки: «В этом отношении я совершенно согласен с Кошелевым» [11, л. 32об.]. О значительном интересе к издателю «Сельского благоустройства» свидетельствуют, кроме того, подробный конспект кошелевского проекта в княжеской записной книжке⁸, его переписка с великой княгиней Марией Павловной⁹ и с самим Кошелевым¹⁰. Дело дошло до

⁶ Одоевский В.Ф. Об устройстве быта поселян в Петербургской губернии, 11 декабря 1857 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 31–33 [11].

⁷ См.: Одоевский В.Ф. Записная книжка за 1857 и 1858 гг. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 7, 49–50 [12].

⁸ Там же. Л. 17–19.

⁹ См.: Одоевский В.Ф. Письмо великой княгине Марии Павловне, 3 апреля 1858 г. // Князь Владимир Федорович Одоевский: переписка с великой княгиней Марией Павловной, великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенах. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 171, 174 [13].

¹⁰ См.: Кошелев А.И. Письмо В.Ф. Одоевскому, 22 марта 1862 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. Ед. хр. 638. Л. 15–16 [14].

того, что князь спустя некоторое время стал посылать в славянофильские издания материалы для публикации. «Очень рад, что “Сельское благоустройство” тебе нравится, – с удовлетворением отвечал ему Кошелев. – Надеюсь, что 2 и 3 номерами ты будешь еще более доволен» [14, л. 16].

Желание апологета свободной человеческой личности Одоевского оставить в неприкосновенности русскую общину может создать известное впечатление двойственности, противоречивости. Оно исчезает, как только становится более ясной позиция самого Кошелева. Защитник русского «мира», готовый закрывать глаза на переделы земли, он не мог игнорировать тягу некоторых крестьян к свободе. Неслучайно он требовал сосуществования частной и коллективной земельной собственности. Первая виделась ему, «как элемент преуспеяния, способ удовлетворения сильных, богатых, предприимчивых личностей, награда за особенные понесенные труды»¹¹; вторая – «как элемент устойчивости, ничем не заменимая связь в народе, в тех его слоях, где необходима материальная точка единения, средство всякому доставить кров, отчизну и уравнивать людей в возможных и невозможных границах»¹². Такая уступка стала возможной в силу признания Кошелевым недостатков общины, которые способствовали бы, по его мнению, задержке развития «земледелия, промышленности и торговли»¹³. Вот почему, солидаризируясь с позицией славянофила, Одоевский не отказывался от принципа экономической свободы. В комбинировании его с хрупкой мирской собственностью ему виделся наилучший выход из сложившейся ситуации.

Настоящее противоречие возникает, когда обнаруживаются симпатии князя к самаринской точке зрения на общину, противоречащей, как известно, позиции Кошелева. Об этом Одоевский сообщил ему в письме от 31 марта 1858 г. «Ваши статьи в “Сельском благоустройстве” превосходны, – писал он Самарину, – и об общинном владении, и о будущем кр[естьянском вопросе]» [15, л. 1]. Как же думал на самом деле князь? Нам представляется все-таки, что ему были очевидны отличия кошелевского проекта от самаринского и он тяготел в большей степени к первому. В пользу такого утверждения свидетельствуют приведенные нами выше источники. Но со временем ситуация стала усложняться. Это было связано, в первую очередь, с работой губернских дворянских комитетов и Редакционных комиссий.

Приветствовавший работу губернских дворянских комитетов Одоевский, вероятно, сочувственно воспринимал вынужденный отказ Самарина от обязательного выкупа, его согласие сохранить за помещиками вотчинные права. Требовавший «единства мнений» князь приветствовал также известное сближение позиций меньшинства и большинства в дворянских комитетах. Но, какими бы красивыми не были его слова в адрес помещиков, он как защитник

¹¹ См.: Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. С. 120.

¹² Там же. С. 120–121.

¹³ Там же. С. 120.

крестьянской свободы был рядом не с ними, а со своими друзьями славянофилами. Изгнанный из комитета Кошелев, вызванный на дуэль Черкасский, отдавший на борьбу все душевные силы Самарин – вот кто были его настоящие единомышленники.

Далекий от дебатировавшихся в залах Редакционных комиссий вопросов Одоевский не высказывал своей точки зрения на принцип бессрочного пользования наделом, отстаиваемый Самариным, Милютиным и Черкасским, никак не оценивал тяжесть неизбежного теперь переходного периода, не думал о предпочтительной величине надела. Но безынтенсивно обратил внимание на его отношение к произошедшему расколу в славянофильском кружке. Как известно, заключившие сделку с либеральной бюрократией Самарин и Черкасский вызвали бурное негодование Кошелева. Он подробно раскритиковал работу комиссий, ополчившись не только на всеилие петербургской бюрократии, но и на принцип «бессрочного пользования за неизменные повинности», созданную систему крестьянского самоуправления, принятый в результате максимальный и минимальный размер надела. Беспощадный критик «бюрократического произвола», он не мог простить Самарину его уступок Милютину, хотя и знал о его «желании уберечь крестьянский мир от болезни чиновничества»¹⁴. На чьей же стороне находился Одоевский? Его дневниковые записи за 1859–1860 гг., в которых он говорит о получении бумаг от Черкасского¹⁵, рассказывает о своих встречах с Милютиным и Самариным¹⁶, неизбежно свидетельствуют о том, что князь мало-помалу отдалялся от своего друга Кошелева. В отличие от него, Одоевский не видел в либеральной бюрократии опасности. Вот почему Милютин был назван им «единственным у нас государственным человеком»¹⁷, вот почему вечерами он охотно выслушивал от М.А. Корфа подробности работы над уставом о крестьянском вопросе¹⁸, с любопытством расспрашивал знакомых о заседаниях Государственного совета по крестьянскому вопросу, на которые не мог попасть сам¹⁹. Расхождение с Кошелевым не могло, конечно, привести к быстрому разрыву между ними, о чем свидетельствуют личные встречи друзей в Петербурге и Москве. Но в дальнейшем именно Самарин стал крупным авторитетом Одоевского.

Сближению между Одоевским и Самариным способствовало также следующее. Во-первых, князь импонировала его деятельность в земских учреждениях, где он решительно противостоял идее Н.М. Смирнова учредить «дворянскую опеку над крестьянами посредством крупных землевладельцев»²⁰.

¹⁴ См.: Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. С. 129.

¹⁵ См.: «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В.Ф. Одоевского 1859–1869 гг. С. 128.

¹⁶ Там же. С. 123, 160.

¹⁷ Там же. С. 226.

¹⁸ Там же. С. 126.

¹⁹ Там же. С. 127.

²⁰ Там же. С. 225.

В этой записи не стоит видеть исключительно противостояние лагерю крепостников. За ней стоит нечто большее, а именно стремление не поднимать «по поводу сельского хозяйства» «политические вопросы»²¹. Поддерживая славянофила, Одоевский объективно вступал в противостояние с русскими либералами, которые видели в самаринском поведении путь «к худшему образу правления» – «демократическому цезаризму»²². Славянофильский аполитизм встречал, таким образом, горячую поддержку князя.

Во-вторых, Одоевский высоко оценил точку зрения Самарина на остзейский вопрос. «Весьма замечательной» и «сильной» представлялась ему статья славянофила в мартовском номере газеты «Москва» за 1867 г.²³ Развитые позднее в книге «Окраины России» выпады Самарина против немецкого дворянства, германизовавшего латышей и эстов, встречали, таким образом, одобрение князя.

В-третьих, близким к самаринскому было, на наш взгляд, и понимание князем сущности свободы. Да, Одоевский выступил апологетом человеческой личности, экономической свободы, а также свободы слова и печати, характерной для эпохи Великих реформ. Но эта свобода не имела, с его точки зрения, никакой нужды быть обличена в политическую оболочку, не должна была превращаться в свободу политическую, как это было в странах Запада, имевших конституционное представительство. И касалось это не только дворянства²⁴, но и всех сословий России. Кроме того, излюбленные князем «себялюбие» и «индивидуализм» стали к концу 1860-х гг. уступать место «любви к себе как к агенту Божества»²⁵, стремлению «реализовать христианство в общественной жизни»²⁶, достичь «христианского смирения»²⁷. Как и для Самарина, спорившего некогда на эту тему с К.Д. Кавелиным, свобода становилась для Одоевского «инструментом, предпосылкой христианского самоотречения от нее»²⁸.

В-четвертых, нет сомнения в том, что Одоевский принимал самаринскую версию политического будущего России. Бичевавший мечтавших о политической свободе дворян, Самарин делал ставку исключительно на «крестьянство и идеализированную им централизованную бюрократическую монархию»²⁹.

²¹ См.: «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В.Ф. Одоевского 1859–1869 гг. С. 225.

²² См.: Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. С. 85 [16].

²³ См.: «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В.Ф. Одоевского 1859–1869 гг. С. 230.

²⁴ Книга записная, расположенная по алфавиту и содержащая в себе выписки из разных книг и газет, замечания и мысли князя В.Ф. Одоевского, 1863–1864 гг. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 56 [17].

²⁵ Там же. Л. 81.

²⁶ Там же. Л. 242.

²⁷ Там же. Л. 186.

²⁸ См.: Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. С. 335; Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л.: Наука, 1977. С. 65–66 [18].

²⁹ Там же. С. 137.

Аналогично думал и князь, переживший события московского дворянского собрания в январе 1865 г.

Все это не означало, впрочем, полного единодушия между ними. Несмотря на симпатии в адрес самаринской точки зрения на общину, Одоевскому была все-таки чужда его историческая концепция, где славянофил обращал особое внимание на роль именно этого института в истории России. В письме от 31 марта 1858 г. князь прямо писал Самарину, что его исторические взгляды «превосходны в невежестве». «От них по прямой линии происходят толки против грамотности, улучшения судопроизводства», – досадовал он [15, л. 1об.]. Характерное для славянофилов преклонение перед народом также встречало сопротивление князя. Ему было ясно, что Самарин превратил русских крестьян в «индейцев», чуждых «новизне» и «науке». «В двадцатый раз будете утверждать, что Вы отнюдь не разделяете китайско-татарских понятий. Это прочтут и забудут», – сожалел Одоевский [15, л. 1об.].

Разработанная И.С. Аксаковым теория «общества» сразу же не понравилась Одоевскому, прежде всего, по причине игнорирования ее автором ценности «человеческого достоинства». «Глупо утверждать, – писал он в записке «Что значат на самом деле слова: народный быт, народное бытовое воззрение, исторический народный быт», – что порода деревьев зависит от леса, а не от сосны, ели, липы, что дуб вырастает на месте сосны и что такое самопроизвольное произрастание будет противно лесному быту» [8, л. 287об-288]. Решительно требуя «места для свободного действия», князь именовал аксаковскую теорию «забавной игрушкой», «каламбуром». «Откинем татарскую ложь, – заключал он. – Оставим фантазмагии и посмотрим на то, что воочию совершается» [8, л. 293об.].

Но оказывается, что Одоевский мог-таки быть союзником Аксакова в вопросах религиозных. Опубликованное в «Дне» письмо иезуита Мартынова ошеломило его, и он мгновенно выступил против него. Обличая иезуитов, Одоевский укорял их, прежде всего, в организации польского восстания 1863 г. Именно иезуиты, писал он, разожгли огонь «польского фанатизма» и направили его против «безоружных, стариков, детей». «Они умерли, – с горечью констатировал он, – замученные изобретениями латинской инквизиции. Кто сдирал с беззащитных кожу, кто зарывал в землю живых? Все это факты» [19, л. 55об.]. Разочарованные подавлением восстания иезуиты «стали рассказывать Папе на весь мир, что Россия унижает несчастную польскую нацию», – заключал Одоевский и характеризовал эти выпады не иначе, как «позорную ложь»³⁰. Отметим также, что по иезуитскому вопросу нельзя не отметить схождения Одоевского с тем же Самариним, также бичевавшим Мартынова³¹.

³⁰ См.: Одоевский В.Ф. Иезуит может ли быть христианином? Примечания к любопытному письму Мартынова, 1864 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 56об.

³¹ См.: Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову Ю.Ф. Самарина. М: Русский архив, 1868. 480 с. [20].

Брат Ивана Аксакова Константин не вызывал, по справедливому замечанию В.Н. Грекова, никаких чувств у князя, кроме гнева. Причиной тому послужило преклонение славянофила перед народом. Не повторяя аргументации Грекова, укажем лишь на то, что даже аксаковскую пьесу «Князь Луповицкий или Приезд в деревню» Одоевский воспринял иронически. «Фантастический элемент до такой степени преобладает в этой комедии, – писал он, – что нет возможности угадать, в какое время и где происходит действие» [21, л. 215].

В заключение укажем на фигуру А.С. Хомякова. Давний оппонент Одоевского³², он умер в 1860 г., на 9 лет раньше князя. Личные встречи их в новую эпоху оказались сведены к минимуму. Но, даже находясь в Париже в 1857 г., Одоевский не преминул уколоть его. «На развитие индивидуума действует не нравственность, – упрямо утверждал князь, – а местность и климат, в котором существует данный индивидуум» [22, л. 35–35об.]. Присутствуя вместе с Кошелевым на чтении Самариным «предисловия ко 2-й части сочинений Хомякова» в январе 1867 г., Одоевский отмечал, что Самарин верно понял «характер учения и точку зрения Хомякова, которой я никогда, впрочем, не разделял и теперь разделять не могу»³³.

Таким образом, отношения князя Одоевского и славянофилов в 1850–1860-е гг. складывались противоречиво. Он был апологетом человеческой личности, приветствовал либеральные реформы 1860-х гг., ратовал за проникновение западной науки в Россию, демонстрируя гораздо большую, чем у славянофилов, буржуазную последовательность. Бесспорно отрицательно оценил он исторические взгляды славянофилов, их преклонение перед народом, теорию «общества». Но в то же время он находил в себе силы вместе с Кошелевым защищать русскую общину, хвалить Самарина за его точку зрения по земскому и остзейскому вопросам, бичевать иезуита Мартынова под руку с Иваном Аксаковым. Горячий защитник самодержавия, он развивал свой аполитизм, приближался к христианскому пониманию сущности свободы, противостоял превращению ее в свободу политическую. Вот почему, не жалея порой колких фраз в адрес «татарщины», он все-таки не мог прекратить свою дружбу со славянофилами.

Список литературы

1. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 704 с.
2. Медовой М.И. Меморандум В.Ф. Одоевского // Хомяковский сборник. Т. I. Томск: Водолей, 1998. С. 45–66.
3. Переписка В.Ф. Одоевского с А.С. Хомяковым / публ. Б.Ф. Егорова, М.И. Медового // Ученые записки Тартуского университета. 1970. № 251. С. 335–349.

³² См.: Переписка В.Ф. Одоевского с А.С. Хомяковым. С. 335–349.

³³ См.: «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В.Ф. Одоевского 1859–1869 гг. С. 228.

4. Пушкарев А.П. В.Ф. Одоевский: между славянофильством и западничеством // Вестник Московского университета. Сер. Политические науки. 2007. № 6. С. 106–112.
5. Сумцов Н.Ф. Князь В.Ф. Одоевский. Харьков: тип. М. Зильберберга, 1884. 63 с.
6. «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В.Ф. Одоевского 1859–1869 гг. // Литературное наследство. 1935. Т. 22–24. С. 79–308.
7. Греков В.Н. В.Ф. Одоевский и славянофилы // Медиаальманах. 2013. № 2. С. 56–64.
8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 93.
9. Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. 355 с.
10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 33.
11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 85.
12. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 34.
13. Князь Владимир Федорович Одоевский: переписка с великой княгиней Марией Павловной, великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенах. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 374 с.
14. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 2. Ед. хр. 638.
15. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 2. Ед. хр. 150.
16. Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. 377 с.
17. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 22.
18. Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л.: Наука, 1977. 256 с.
19. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 82.
20. Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову Ю.Ф. Самарина. М.: Русский архив, 1868. 480 с.
21. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 8.
22. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (Одоевский В.Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 47.

References

(Sources)

1. Egorov, V.F., Medovoy, M.I. *Perepiska V.F. Odoevskogo s A.S. Khomyakovym* [Correspondence of V.F. Odoevsky with A.S. Khomyakov], in *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*, 1970, no. 251, pp. 335–349.
2. *Iezuity i ikh otноshenie k Rossii. Pis'ma k iezuitu Martynovu Yu.F. Samarina* [The Jesuits and their attitude towards Russia. Letters to the Jesuit Martynov Yu.F. Samarina]. Moscow: Russkiy arkhiv, 1868. 480 p.
3. *Knyaz' Vladimir Fedorovich Odoevskiy: perepiska s velikoy knyaginey Mariey Pavlovnoy, velikoy gertsoginey Saksen-Veymar-Eyzenakh* [Prince Vladimir Fedorovich Odoevsky: Correspondence with Grand Duchess Maria Pavlovna, Grand Duchess of Saxe-Weimar-Eisenach]. Moscow: IMLI RAN, 2006. 374 p.
4. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 8.

5. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 22.
6. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 33.
7. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 34.
8. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 47.
9. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 82.
10. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 85.
11. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 1, storage unit 93.
12. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 2, storage unit 150.
13. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of the National Library of Russia (MD RNB)], fond. 539 (Odoevsky V.F.), inventory 2, storage unit 638.
14. «Tekushchaya khronika i osobyie proisshestviya». Dnevnik V.F. Odoevskogo 1859–1869 gg. [“Current Chronicle and Special Events”. Diary of V.F. Odoevsky 1859–1869], in *Literaturnoe nasledstvo*, 1935, vol. 22–24, pp. 79–308.

(Articles from Scientific Journals)

15. Grekov, V.N. V.F. Odoevskiy i slavyanofily [V.F. Odoevsky and the Slavophiles], in *Media almanac*, 2013, no. 2, pp. 56–64.
16. Pushkarev, A.P. V.F. Odoevskiy: mezhdru slavyanofil'stvom i zapadnichestvom [V.F. Odoevsky: between Slavophilism and Westernism], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya «Politicheskie nauki»*, 2007, no. 6, pp. 106–112.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

17. Medovoy, M.I. Memorandum V.F. Odoevskogo [Memorandum by V.F. Odoevsky], in *Khomyakovskiy sbornik*, 1998, vol. 1, pp. 45–66.

(Monographs)

18. Kitaev, V.A. *Liberal'naya mysl' v Rossii (1860–1880 gg.)* [Liberal thought in Russia (1860–1880)]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2004. 377 p.
19. Kitaev, V.A. *XIX vek: puti russkoy mysli* [XIX century: paths of Russian thought]. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 355 p.
20. Sumtsov, N.F. *Knyaz' V.F. Odoevskiy* [Prince V.F. Odoevsky]. Khar'kov: tipografiya M. Zil'berberga, 1884. 63 p.
21. Tsamutali, A.N. *Bor'ba techeniy v russkoy istoriografii vo vtoroy polovine XIX veka* [The Struggle of Currents in Russian Historiography in the Second Half of the 19th Century]. Leningrad: Nauka, 1977. 256 p.
22. Valitskiy, A. *V krugu konservativnoy utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [In the circle of conservative utopia. The structure and metamorphoses of Russian Slavophilism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 704 p.